Смена

СМЕНА

№2 ФЕВРАЛЬ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ 2014

Светлана Бестужева-Лада

Первая забытая

Рафаэль Соколовский

Поэт Божьей милостью

Евгений Гик

История Олимпийских игр. Как это начиналось

Ирина Озимок

История любви великого художника

Анна и Сергей Литвиновы

Талант на миллион

№2 февраль 2014

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Наталью Нордман даже в юные годы трудно было назвать красавицей. Казалось бы, ничто в ее облике не могло привлечь тонкого ценителя женских прелестей. «Уж подлинно, ни рожи, ни кожи», — писал о ней Владимир Стасов. Но на картинах своего мужа, великого русского художника Ильи Репина, она становилась прекрасной — сексуальной, тонкой, влекущей…

- Ирина Опимах
  - История любви великого художника

Ирина Опимах

5 августа 1844 родился Илья Ефимович Репин.

История любви великого художника

Первый раз они встретились летом 1898 года. Тогда Репин — уже известный художник, прославившийся своими яркими полотнами «Бурлаки на Волге», «Ответ запорожцев турецкому султану», «Не ждали», «Иван Грозный и сын его Иван» и многими другими — писал портрет княгини Марии Тенишевой. Чтобы ей не было скучно во время позирования, Репин, а иногда и сама она приглашали кого-нибудь посидеть с ними, поболтать. И вот однажды Тенишева сказала, что к ним придет ее приятельница Наталья Нордман — она замечательная, столько всего знает! Настоящая Шехерезада! Но уже на следующий день княгиня

получила от Репина письмо, в котором прочла следующее: «Мы с Вами еще не закончили, нам нужно повторить сеанс. Я буду очень рад Вас видеть, но чтобы **эта** больше не переступала порог моего дома!» Тогда Наталья Нордман произвела на художника столь неприятное впечатление, что он даже не смог написать ее имя — «эта» было для него достаточно. Но прошло совсем немного времени, и он в нее страстно влюбился, и «эта» стала его женой!

Двойной портрет кисти И. Репина — И. Репин и Н. Нордман

Наталья Нордман родилась в 1863 году в Финляндии, Гельсингфорсе (нынешнем Хельсинки). Ее отец, адмирал русского флота, по происхождению был шведом, мать происходила из русской дворянской семьи. Адмирал умер рано, и семейству стало трудно поддерживать привычный уровень жизни. Вся надежда госпожи Нордман была на удачное замужество дочери, но… У Натальи были совсем иные планы на жизнь. Она совсем не стремилась надеть подвенечное платье. Быть свободной, реализовать свои способности, служить на благо народу — вот какие цели ставила перед собой дочка адмирала. Она была убеждена, что пришла в этот мир не зря, что ее ждет высокое предназначение. Кончилось все тем, что она ушла из дома, а потом вообще уехала в Америку. Видно, девушке казалось, что в далеких Соединенных Штатах она найдет и свободу, и справедливость, и счастье… Но, увы… В стране Марка Твена и О. Генри Наталье пришлось быть и горничной, и гувернанткой, и даже поработать на ферме. Через год она вернулась в Россию — без денег, но с большим жизненным опытом. И, слава богу, живая. Правда, репутация ее в свете была слегка подпорчена — кто

знает, что она там делала, в этой Америке?

А Наталья принялась искать себе занятие, достойное ее высоких устремлений, — пробовала заниматься искусством (лепкой, музыкой, рисованием), потом увлеклась фотографией (и, кстати, оставила потомкам множество замечательных фотографий, на которых запечатлен Репин и его окружение). Позже начала писать романы, сочинять пьесы и даже взяла себе псевдоним — Наталья Северова. Надо сказать, все ее литературные произведения были весьма автобиографичны. Сюжеты она черпала из своей богатой событиями и страстями жизни. Так, в романе «Крест материнства» она описывает историю любви известного скульптора и юной девушки — и это довольно искренне изложенная история ее романа с Репиным.

Н. Нордман

Они снова встретились на вечерах у Тенишевой. Страсть захватила обоих, хотя многим это было непонятно, ведь Наталья такая эксцентричная, шумная, бестактная особа, да, к тому же, совсем некрасивая. «Эта женщина поглотила Репина целиком», — негодовал Василий Розанов. А пораженный В. Стасов писал брату: «Репин ни на шаг от своей Нордманши (вот-то чудеса: уж подлинно, ни рожи, ни кожи, — ни красивости, ни ума, ни дарования, просто ровно ничего, а он словно пришит к ее юбке)».

Но едкий Стасов перегибал палку — у «Нордманши» была масса дарований: яркая, остроумная, а уж когда влюблялась, так становилась даже красивой. И эту ее красоту внезапно открыл для себя влюбленный Репин …

Он уже был ранее женат — его жена Вера родила ему четырех детей, была ему очень предана, но эта тихая, измученная его частыми увлечениями женщина не могла разделять его страсть к искусству и мало понимала его творчество — правда, тщательно следила за его гонорарами. Постепенно у них все меньше и меньше становилось общего, они непрерывно ссорились и в 1887 году развелись.

И теперь в Наталье Нордман, молодой, пылкой, страстно влюбленной в него, он увидел женщину, с которой интересно говорить, которая прекрасно понимает искусство и ценит в нем именно художника, а не добытчика денег.

В 1898 году Репин отправился в Палестину — писать библейские пейзажи, и Наталья, уже не стесняясь никого и ничего, провожала его до Одессы. Во время этого недолгого

путешествия она забеременела. А потом на свет появилась маленькая девочка, прожившая всего лишь две недели. Наталья очень переживала, и Репин, чтобы как-то ее утешить и отвлечь от горестных мыслей, купил ей небольшой дом в финской деревушке Куоккала, окруженный заросшей и неухоженной землей (небольшой участок в 2 га). Он стал первым по-настоящему принадлежавшим ей домом — ведь до сих пор она жила как приживалка у друзей, да и питалась в основном за их счет. Это было настоящим счастьем! Наталья назвала свое жилище и парк, в который она превратила заброшенный участок земли, «Пенатами» — теперь пенаты, эти герои римской мифологии, боги-покровители домашнего очага, охраняли ее любовь, ее мир, ее счастье.

«Пенаты» — дом в Куоккала, подаренный Репиным Наталье Нордман

Она действительно чувствовала себя счастливой — Репин обожал свою молодую подругу (она была на 17 лет его младше), восхищался ее талантами, иллюстрировал ее книги. «Самое лучшее, что можно сказать о ней: она часто не похожа на свои брошюры и памфлеты. Она читала мне отрывки из своего дневника, посвященные главным образом Репину и его окружению (1903–1909), и я был удивлен ее талантливостью: столько здесь было зоркого и меткого юмора, столько свежей женской наблюдательности», — вспоминал Корней Чуковский. Репин даже купил маленький театрик (барак) на окраине Куокколы, где ставились ее пьесы. И… писал ее портреты, на которых она выглядела вполне привлекательной, писал себя рядом с ней… Через какое-то время он окончательно переселился в «Пенаты», и сюда к нему стали приезжать его многочисленные

друзья. Наталья устраивала так называемые «репинские среды» — в эти дни в дом съезжалось множество гостей — писателей, художников, поэтов. И она была среди них своей — ведь она тоже писала книги и статьи на самые разные темы. Корней Чуковский в своей книге «Илья Репин» вспоминал, что, в отличие от первой жены Репина, Наталья Борисовна с огромным уважением относилась к его творчеству, с 1901 года стала собирать литературу о нем, составляла альбомы с газетными вырезками о каждой его картине. Недаром Репин не раз говорил, что одной из своих наиболее блестящих творческих удач — композицией «Государственного совета» — он целиком обязан Наталье Борисовне: «она приняла к сердцу те трудности, которые он встретил при написании этой картины, и помогла ему своими советами, а также сделанными ею фотоснимками». Знаменитые среды, которые она завела в доме, внесли в жизнь Репина порядок — в остальные дни он мог спокойно работать, не боясь, что ему кто-то помешает, и был благодарен жене за это.

Наталья в кабинете мужа

Наталья Борисовна знала три языка, разбиралась и в музыке, и в скульптуре, и в живописи, и Репин полюбил ходить с ней на концерты, посещать вернисажи и лекции. Нравились ему и ее демократические убеждения. А главное, она была трудолюбива и деятельна, что Репин, всегда возмущавшийся паразитарной праздностью своей первой семьи, очень ценил.

«Наталье Борисовне жилось весело, и она умела своим весельем зажечь всех ближних, ей удавалась всякая затея, — писал он уже после ее смерти. — Ее окружала, за ней неслась везде повышенная жизнь. Ее веселые большие серые глаза встречались только с радостью, ее грациозная фигура всякий момент готова была блаженно танцевать, как только звуки плясовой музыки долетали до ее слуха.

И с таким веселым характером эта женщина кипела всегда новыми и самыми разнообразными серьезными идеями всех жизненных вопросов и форм. Ко всему она относилась критически, все готова была сейчас же переделать по совершенно новому образцу. И это ей удавалось. В течение более пятнадцати лет, я, близкий свидетель ее деятельности, не переставал удивляться ее жизненному пиру».

Спящая Наталья — портрет кисти И. Репина

* * *

Но у Натальи Борисовны были недостатки, которые портили им жизнь, делали смешными и ее, и Репина, вынужденного идти у нее на поводу.

«По всему своему душевному складу это была ярая сектантка, — рассказывал Чуковский. — Всегда ей было необходимо фанатически веровать в какой-нибудь единственный рецепт для спасения людей и громко проповедовать этот рецепт как панацею от всех социальных недугов. Одно время она была боевой суфражисткой и сделала свой феминизм религией. Потом стала проповедовать „раскрепощение прислуги“. Потом — вегетарианство. Потом — кооперативную организацию труда, воспринятую как евангелие жизни. Потом отвары из свежего сена в качестве здоровой, питательной пищи. Потом так называемый „волшебный сундук“, то есть ящик, обшитый подушками и набитый сеном. „Волшебный сундук“ был своеобразным термосом: он сохранял пищу горячей в течение целого дня. И

т. д., и т. д., и т. д. Все это было, конечно, нелепо, но — искренне».

В 1911 году Наталья написала «Поваренную книгу для голодающих». Кто тогда только не издевался над ней! Но прошло семь лет, в России наступили трудные времена, разруха, голод, и очень многим в России пригодились вегетарианские рецепты Натальи Нордман.

«Она свято верила во все свои новшества, и первая становилась их жертвой, — вспоминал Чуковский. — Когда восстала, например, против шуб и мехов, составлявших, как она выражалась, „привилегию зажиточных классов“, то в самый лютый мороз облеклась в какое-то худое пальтишко, подбитое сосновыми стружками, и уверяла, что ей гораздо теплее, чем нам, закутанным в „шкуры зверей“. Эта „сосновая шуба“ принесла ей простуду, а супы из сена — малокровие. Из румяной, осанистой женщины со свежим и круглым лицом, какой она была за несколько лет до того, она стала такой худосочной, что казалась воплощением чахотки. Вегетарианство ее было очень суровое: она не ела яиц, не пила молока».

Возможно, потому она и заболела — все эти пляски на снегу и легкие пальтишки зимой не прошли даром. Она начала кашлять с кровью в 1905 году, и Репин увез ее в Италию, где ей стало лучше. Но ненадолго. Правда, надо сказать, что болезнь ничуть ее не изменила, она по-прежнему целиком отдавалась своим увлечениям, принятым ею теориям, и требовала того же и от Репина. Жена Куприна говорила, что Горький, узнав, что они собираются к Репину, предупреждал их: «Ешьте больше, у Репина ничего, кроме сена, не получите». А сам художник порой сбегал к Чуковскому, жившему по соседству, чтобы поесть вдоволь мяса, или отправлялся в Петербург, шел в самые лучшие рестораны и там отводил душу.

С прислугой тоже была настоящая беда. Наталья Борисовна считала, что нельзя заставлять одних людей прислуживать другим, а потому в ее доме одежду у гостей принимал сам хозяин, великий художник Репин. Поначалу ему, может, это и нравилось, но потом… На стенах в их доме повсюду висели плакаты: «Не ждите прислуги, ее здесь нет», «Все делайте сами» и другие того же типа. За столом, к примеру, суп разливали по очереди, на кого выпадал жребий, а кто не справлялся с задачей, должен был заплатить штраф — произнести речь, причем обязательно интересную, со свежими идеями.

Чуковский вспоминал, что она, человек доброй души, вечно за кого-то хлопотала, вечно кому-то помогала, но все это получалось как-то бестактно и нелепо.

А потом Наталья увлеклась вином — считала, что это соки солнца, а состояние опьянения — священно, поскольку дает человеку полную свободу. Ну, и, в соответствии с этими своим воззрениями, пила много, а потом танцевала босая летом на траве, а зимой — на снегу, словно языческая жрица. Все это с годами стало раздражать Репина. Позже он вспоминал: «Наталью Борисовну дьяволы подцепили на „солнечной энергии“, так называла она виноградное вино и верила, что эта прелестная оживляющая влага, кроме своего притягательного вкуса, обладает способностью не только веселить человека, но и подкреплять и восстанавливать его силы и во всех отношениях служит ему жизненным эликсиром, как солнце своей энергией всей земле». Ну, кто бы мог столь долго терпеть нелепый быт, невкусную, пресную вегетарианскую еду, ловить усмешки друзей!

При всей любви к Репину, Наталья не могла всю себя посвятить служению ему — ей казалось, что и она сама многое делает в этой жизни. А так как Наталья Борисовна в силу своего характера считала, что должна делать еще больше, она устраивала театр для местных крестьян, открывала детский сад для их детей. Вся эта суета мешала Репину работать, а вот с этим

он уж никак не мог смириться — работа для него была самым главным в жизни.

В 1913 году Наталья Борисовна снова простудилась — опять из-за своей шубы из мешковины, набитой сосновой стружкой, которую никак не хотела заменить нормальной, меховой. Ну, и еще пара танцев босиком на снегу сделали свое дело…

Будучи очень неглупой и решительной женщиной, в один прекрасный момент она поняла, что, постаревшая, похудевшая и подурневшая, да еще и страдающая тяжелейшей чахоткой, не нужна Репину, и нашла в себе мужество уйти из его жизни. В его отсутствие, даже не предупредив мужа о своем решении, она взяла с собой денег ровно столько, чтобы хватило на дорогу, и уехала из «Пенатов» в Швейцарию. Там, в Локарно, Наталья Борисовна легла в клинику для неимущих.

Репин не поехал за женой — кто знает, о чем он тогда думал, наверное, не понимал, насколько тяжело она больна, а, может, вздохнул с облегчением. Однако перевел ей деньги, чтобы она ни в чем не нуждалась, которые, впрочем, Наталья тут же отправила назад. Она уже не считала его своим мужем… «Какая дивная полоса страданий, — писала Чуковскому Нордман, — и сколько откровений в ней: когда я переступила порог „Пенатов“, я точно провалилась в бездну. Исчезла бесследно, будто бы никогда не была на свете, и жизнь, изъяв меня из своего обихода, еще аккуратно, щеточкой, подмела за мной крошки и затем полетела дальше, смеясь и ликуя. Я уже летела по бездне, стукнулась об утесы, и вдруг очутилась в обширной больнице… Там я поняла, что никому в жизни не нужна. Кругом все умерло. Ни звука ни от кого».

* * *

Наталья Борисовна ушла из жизни 28 июня 1914 года. Репину сообщили телеграммой о ее кончине, и он поехал ее хоронить, но не успел — это сделали без него. А Илья Ефремович отправился в Венецию — обретать душевный покой.

Вернувшись в Россию, в «Пенаты», он тут же отменил все порядки, установленные Натальей Борисовной, к примеру, убрал дурацкие плакаты, и в передней уже не висел ни призыв «Бейте весело в тамтам!», ни сам тамтам. «Память Натальи Борисовны он почтил небольшой статейкой, написанной в его обычном дифирамбическом стиле, — писал Чуковский. — Возможно, что он и тосковал по умершей, но самый тон его голоса, которым он в первую же среду заявил посетителям, что отныне в „Пенатах“

начнутся другие порядки, показывал, как удручали его в последнее время порядки, заведенные Натальей Борисовной. Раньше всего Илья Ефимович упразднил вегетарианский режим и по совету врачей начал есть в небольшом количестве мясо».

Умирая, Наталья Нордман завещала Репину единственное, что у нее было — «Пенаты», причем оговорила, что после его смерти там должен быть музей — дом Репина. Именно здесь и прошли последние годы художника… После 1917 года «Пенаты» оказались за границей России. Репин мечтал вернуться на родину, друзья тоже усиленно его звали, однако поначалу он боялся переезжать в большевистскую Россию, а потом сил на переезд не стало — с годами его здоровье не улучшалось. Великий русский художник Илья Репин скончался 29 августа 1930 года в возрасте восьмидесяти шести лет, в «Пенатах» — доме, когда-то подаренном им Наталье Нордман.

После 1940 года Куоккала (ныне — поселок Репино) стала советской территорией. Дети Репина, которые до этого жили в «Пенатах», эмигрировали, и в 1940 году здесь открылся музей Репина. Так, наконец, сбылось последнее желание Натальи Нордман. И дух ее живет в этих стенах…